

Президиум Российской академии наук присудил золотую медаль имени М.М. Сперанского 2005 года академику Геннадию Васильевичу Осипову за работы "Социология и политика", "Социология и социальное мифотворчество", "Социальное мифотворчество и социальная практика". Редакция поздравляет автора с высокой наградой и предлагает читателю статью, посвященную анализу поднятых в этих работах теоретических и прикладных проблем социологического знания.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ВРЕМЯ МИФОВ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент РАН.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки охарактеризовать содержание, сущностные стороны, основные черты происходящих в нашей стране перемен во времена так называемой реформации России. Предлагались самые различные формулировки - от катастрофических до лучезарных, от реалистических до фантастических. На мой взгляд, в работах Г.В. Осипова* предложен верный и точный вариант выявления сущности этих изменений - время мифов.

Но прежде чем дать анализ современных мифов и социального мифотворчества, ученый знакомит нас с тем огромным интеллектуальным богатством, которое связано с научным осмыслением этого феномена. Опираясь на творческое наследие Б. Малиновского, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, автора символической теории мифов Э. Кассирера, труды В. Парето, З. Фрейда, К. Юнга, Ж. Сореля, Р. Барта, К. Манхей-ма, а также исследования отечественных мыслителей С. Булгакова, А. Лосева, Л. Ио-нина и др., он дает свое понимание многозначности и многообразия существовавших и существующих мифов. На мой взгляд, после прочтения работ Г.В. Осипова можно сделать вывод: современное понимание мифа и отношение людей к нему на разных ступенях общественного развития различны.

В этой связи весьма показателен тот поиск, который осуществлен исследователем при объяснении сущности и содержания мифа (Подробнее см. гл. 1 монографии "Социология и социальное мифотворчество").

* Осипов Г.В. Социология и политика. М.: ИСПИ РАН, 1995. 581 с; Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Норма. 2000. 543 с; Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма-Инфра-М, 2002. 616 с.

Гносеологический подход. Миф мог возникнуть и возник в период нерасчлененно-го знания, когда не было (или она отсутствовала) определенности в трактовке объекта и субъекта, предмета и знака, вещи и слова, пространства и времени и т.д. Особо следует подчеркнуть, что знание не было отделено от эмоций, когда в полной мере господствовало дологическое мышление. Именно в тот период преобладало образное представление об окружающем мире, не осознавалась специфика мифологического и религиозного сознания, смешиваясь с фантастическим видением действительности.

Семантический (лингвистический) подход. Миф есть "болезнь языка". Он возникает из метафор и образов древней поэзии. Сначала человек осознает условный характер своих сравнений (например, "звезды - глаза неба"), но затем по каким-то причинам забывает об условности и придает риторическим оборотам буквальное значение, в результате чего небо превращается в существо с множеством глаз. Эта теория предложена в прошлом веке английским филологом М. Мюллером. В России она с некоторыми поправками принималась А. Н. Афанасьевым и А.А. Потебней.

Эволюционистский подход. По мнению английского этнографа XIX в. Э. Тейлора, миф - это форма общественного сознания на разных этапах его существования, продукт раннего, детского состояния человека и человечества. Нуждаясь в объяснении природы, дикарь использует доступные ему приемы, одушевляет мир и переносит на него все проявления своей личной жизни. Миф - это, с одной стороны, отождествление реальности со сказкой, эпосом, с другой, - с зачатками некой первобытной философии и религии, каковым является анимизм.

Структурно-функциональный подход. Миф есть язык образов, обладающий четкой структурой и способный передавать знания о мире не хуже, чем абстрактная логика (так считал французский этнолог К. Леви-Стросс). Миф объясняет социальную реальность и распространяет такое объяснение на природу. По мнению Э. Дюркгейма, мифологические "коллективные представления" обобщают структуру первобытных общностей. Разновидность этого подхода - функционализм, оценивающий значение мифа для поддержания устойчивости первобытных сообществ (этнограф Б. Малиновский).

Символический подход. Миф есть одна из символических функций (наряду с наукой, искусством, религией, языком), присущих человеку, там, где рассудок ищет сложности. Миф дает простоту непосредственной данности. Теория предложена немецким философом Э. Кассирером. К ней близко понимание мифа как "жизненно ощущаемой и творимой вещественной реальности" в работах А.Ф. Лосева. В рамках этого подхода фантазии объясняются как мифоподобные символы, ведущие к созданию (появлению) архетипов.

Психоаналитический подход. Миф - наиболее оформленное выражение индивидуального (З. Фрейд) или коллективного (К. Юнг) бессознательного.

Постструктуралистский подход. Он возник как реакция на распространение структурализма. То, что называется мифологией, возникло в результате записи, критики и обработки устного творчества на заре письменности, а затем расширилось, редактировалось, интерпретировалось философами, филологами, историками, этнографами, фольклористами. Строго говоря, "первичный миф" нам недоступен в силу раз-нонаправленности устного и письменного способов передачи информации и приходится довольствоваться вторичным продуктом.

Синергетический подход. Он оперирует представлениями о превращении хаоса в логически сконструированный порядок, в котором мифу принадлежит определенное место в познании картины мира, лепта в осмыслении происхождения животного и растительного мира, роли и места человека в преобразовании этого мира и даже возможное предвосхищение предстоящих изменений.

Но есть и другая сторона объяснения мифа. Это вопрос о том, как по мере развития человечества менялись представления о нем, какие характеристики при его объяснении становились главными, определяющими. Интересен вывод автора о том, что в современном мире "понимание мифотворчества и его распространенности в обществе

заставляют более внимательно относиться к зарождению и распространению новых мифов, особенно социальных и политических. Необходимо знать механизм их возникновения. И уметь во время их распознавать и разоблачать, поскольку последствия их влияния на людей могут быть очень серьезными" (с. 24).

Анализируя сущность и содержание мифа. Г.В. Осипов подчеркивает, что он мыслится современным сознанием вполне реальным, а не сказочным, и воспринимается людьми как возможная действительность. В системе ценностей миф нередко равен культуре, что равнозначно способу сохранения мира (в основном через ритуал). Более того, мифологическое сознание в современном российском обществе в устах сильных мира сего представляется как основной способ объяснения и понимания происходящих преобразований.

Особенно это характерно для социальной мифологии, когда социальный миф предстает иллюзией, мечтой, неким идеалом, которые не имеют (или мало имеют) отношения к реальной жизни. Когда эти фантазии овладевают уже не одним человеком, а целыми социальными группами, массами людей, то тем горше и трагичнее оказываются последствия, возникшие на основе осознанного разрыва реального и воображаемого. Достижение гармонии в рамках мифа часто ориентирует человека на достижение нереальных и вообще сомнительных целей, которые, однако, обладают ярко выраженной эмоциональной привлекательностью. Как убеждает история, гармония, которую пытаются достичь на базе мифологии, оказывается всегда иллюзией и рушится при первом соприкосновении с действительностью, в результате чего возникают разочарование, неудовлетворенность, чувство обманутости и желание замкнуться в собственных переживаниях или (что реже) выступить против них активным борцом.

В этом смысле справедливо утверждение Г.В. Осипова о том, что не надо путать мифы с мечтой, с идеалом, идеальной целью, которые своей исходной базой имеют реальную действительность и исходят из реальной практики, что, в свою очередь, предполагает использование реальных средств их достижения, а также может даже помочь предвидеть возможность негативного противодействия, в то время как миф исходит из иллюзий, общественной доверчивости, что нередко ведет к манипулированию общественным сознанием. Все это лишний раз подчеркивает такой определяющий компонент мифа как его иррациональность.

Рассматривая современные трактовки мифологии и соответственно мифологического сознания, автор отмечает весьма существенные отличия от тех, даже недавних концепций, которые сводили миф к "выдумке", к "ложной иллюзии" или только как к специфическому феномену XX века. Он подчеркивает значение социальной мифологии как особого вида духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно продуцированных правящей элитой для манипулирования деятельностью людей.

Мифологическое сознание - специфическая форма общественного сознания, которая продолжает существовать и на современном этапе развития человечества. Современный человек воспринимает миф как повествование, совокупность фантастически изображающих действительность идей. Однако это не жанр словесности, а определенное представление о мире, которое часто предстает перед нами как способ повествования или приобретает характер специфических представлений.

Действительно, если для древнейшей мифологии и мифологического сознания характерно наивное очеловечивание окружающей природной среды, перенос человеком на природные объекты своих собственных свойств, приписывание им жизни, человеческих чувств, то в современной мифологии объяснение сущности вещи и мира в целом сводится в основном к особым формам поиска ответа на вопрос об их месте и роли в функционировании социальной действительности. Современный феномен мифа сложен и противоречив, так как круг тем, сюжетов, охватываемых мифами, - вопросы реальной жизни, актуальных и злободневных проблем человека, культуры, политического устройства - затрагивает широчайший, "глобальный" круг коренных вопросов мироздания. Поэтому современный миф уже выступает не как сумма и даже

система "наивных" рассказов древних, а как определенная форма мировоззрения, влекущая за собой определенный тип деятельности.

Эти теоретические положения рассматриваются автором не отвлеченно, а в конкретном применении к российской действительности. Г.В. Осиповым выполнен глубокий и обстоятельный анализ реальной практики времен перестройки, последующих реформ в 1990-е годы. В труде "Социология и политика" (1995) он уже определил круг теоретических и методологических проблем, связанных с анализом реформирования российского общества непосредственно как в годы перестройки во второй половине 1980-х годов, так и в первые годы постсоветской России. В своих статьях и выступлениях ученый настоятельно рекомендует и формулирует предложения на основе глубокого анализа состояния дел в стране, как решить существующие и вновь возникающие проблемы. В этой работе впервые осмысливаются истоки советской мифологии: автор обстоятельно рассматривает наследие К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина и их последователей. И уже в этой книге он приходит к выводу, что ситуация складывается таким образом, что позволяет ему говорить не только об отдельных ошибках, недостатках, а о национальной катастрофе. Кстати, это утверждение привело к серьезным обвинениям автора во всех смертных грехах и даже в национал-социализме. Но жизнь подтвердила, что его выводы были справедливы, а обвинения его критиков надуманны и представляли собой умышленные попытки ввести в заблуждение общественное мнение. В монографии "Социальное мифотворчество и социальная практика" (2000) он продолжил анализ мифотворчества в современной России. Здесь представлены многочисленные документы, свидетельствующие о поисках автора и возглавляемых им научных подразделений (отдела теории и методологии социологии Института социологии Академии наук СССР, а затем Института социально-политических исследований РАН). В частности, опубликованы обращения к М. Горбачеву, аналитические записки и доклады на Президиуме Академии наук, в Совете Безопасности, интервью газетам и журналам как отечественным, так и зарубежным.

Особенности сегодняшнего социального мифотворчества, по мнению автора, состоят в том, что они в отличие от мифов, которые объективно складывались в процессе жизнедеятельности человечества, создаются, конструируются искусственно, специально поддерживаются и распространяются. Причем они не имеют ничего общего с мечтой, с социальным идеалом - они призваны выполнить роль манипулирования, деформации, эгоистичных и сознательных заблуждений. Конечно, такая постановка вопроса не исключает и некоторого количества искренних заблуждений, но их число является исключением, а не правилом. Говоря о причинах появления и всепо-давливающего господства мифов в постсоветской России, автор ставит точный диагноз: "Отсутствие научно разработанных теоретических основ социально-экономического реформирования России привело в конечном счете к тому, что, как и прежде, на смену одним социальным мифам - развитого социализма, перехода к коммунизму и т.д. - пришли другие не менее одиозные мифы. Практическая реализация новых мифов различными властными структурами и политическими силами привела в действие такой социальный маховик, который стал крушить все, отбрасывая развитие страны на многие десятилетия назад" (с. 5).

Анализ научных трудов Г.В. Осипова показывает, что его заинтересовал данный феномен еще в начале 1990-х годов. Он искал ответ на поставленные жизнью сакраментальные вопросы социального бытия современной России. Уже в работе "Социология и политика" дается характеристика девяти мифов, в дальнейшем их число увеличивается до шестнадцати. Вероятно, их больше, ибо в работах анализируются в основном социальные проблемы. Несомненно, на мой взгляд, что продолжающаяся разработка автором этой концепции принесет не менее плодотворные результаты.

Представленные в монографиях мифы мне хотелось бы рассмотреть с точки зрения тех функций, которые они олицетворяют. Так, целый ряд мифов являются **деструктивными** по своей сути. Например, по мнению автора, миф о том, что все решит рынок. На большом эмпирическом и статистическом материале он показывает, что

стихия рынка, охватившая российское общество, будучи не подкрепленной соответствующими изменениями в хозяйственном механизме, его правовым регулированием, и полностью игнорирующая социальные аспекты жизни людей, приводит к полной дезорганизации производства, росту безработицы, к страданиям людей. Известно печально знаменитое выражение Е. Гайдара, когда он признал, что интересы людей организаторами рыночных реформ не учитывались - их заботили макроэкономические показатели и некоторые произвольно скроенные концепции, под которые ими подгонялась жизнь. Кстати, именно жизнь показала гибельность таких мифов и плодов их реализации на практике. Поэтому, в принципе, оправданы те символические, хотя и незначительные, усилия нынешней власти по исправлению создавшегося бедственного положения большинства населения.

Деструктивность и гибельность этих мифов, как показывает более обстоятельный анализ, состояли не столько в том, чтобы внедрить рыночные отношения, сколько в том, чтобы избавиться от социалистического строя. Оголтелость и остервенелость этих намерений заслоняли от приватизаторов и монетизаторов все здравое, что было в советской экономике (или просто в производственном устройстве). Даже в условиях спада конца 1980-х - начала 1990-х годов были эффективно работающие предприятия, совхозы, колхозы. Но в результате мифа "рынок решит все" они были разорены или закрыты. Автор показывает, что даже в капиталистических державах не все решалось с позиций рынка. Известна позиция французского правительства, выраженная в свое время его премьером Жискард д' Эстеном: "Да - рыночной экономике, нет - рыночному обществу". А наши рыночники пытаются запихнуть в рынок и систему образования, и здравоохранение, и культуру, и все учреждения социальной и духовной сферы. Поэтому, на мой взгляд, справедлив вывод Г.В. Осипова о том, что вред, нанесенный рыночниками во главе с Б. Ельциным, превысил урон, который был нанесен нашей стране в период Великой Отечественной войны - самой ожесточенной схватки с немецкими фашистами.

Не меньшую значимость приобрели **мифы слепого копирования**, в которых рыночники искали ответы на поставленные жизнью вопросы где-то на стороне - в США, Германии, Японии и даже в Аргентине. Мы - свидетели огромного количества экспериментов, которые то ли прошли апробации в каких-то странах, то ли их собирались осуществить, но так и не осуществили. Особенно любима ими была ссылка на шоковую терапию, которая осуществлена в ряде бывших социалистических стран - Венгрии, Польше, Чехии. Причем, в этих ссылках отсутствуют не только представления о различных масштабах народного (национального) хозяйства, предыдущего опыта, специфики, но и полное игнорирование реального опыта. Так, например, в Польше приватизация была начата с самых нерентабельных и малоэффективных предприятий, а все доходное и необходимое оставалось в руках государства. В России все было реализовано с точностью наоборот: сначала распроданы или просто розданы все высокодоходные предприятия, а у государства в основном оставлено то, что уже никому не было нужно и что повисло непосильным грузом на государственной казне. Это бездумное и слепое копирование зарубежной практики обернулось гигантскими потерями, привело к полной дезориентации, к убогому преклонению перед чужим опытом (вспомним, как широко распространялись утверждения: "Ах, а как у них!"). Одновременно оплевывалось наше прошлое, у молодежи воспитывалось пренебрежение к истории, когда слово "патриотизм" стало ругательным.

Были сформированы **мифы умышленные** и делались неоднократные попытки внедрить их в общественное сознание, когда заранее наносился вред стране (народу, процессу). Что касается мнения большинства наших сограждан, то неприятие ими этих мифов рассматривается как непонимание, отсталость, как слепота "советского совка", которого, дескать, надо учить уму-разуму. Ваучеризация А. Чубайса - блестящее этому подтверждение. Эта сознательно предпринятая акция привела к нищете десятки миллионов россиян при одновременном обогащении кучки "деловых людей". Авторы данного мифа до сих пор доказывают, как они благодетельствовали народ, как "спасли от голода", как обеспечили "благополучие". Вот только народ у нас "неправиль-

ный" - до сих пор не понимает, какое счастье ему было преподнесено Г.В. Осипов решительно восстает против такого подхода. Он неоднократно возвращается к мысли о том, что такое решение привело не только к обнищанию огромного количества людей, но и к рождению и закреплению "черной" экономики, которая шаг за шагом привела к криминальному облику всего общества.

Анализируя новейшие мифы, Г.В. Осипов особо останавливается на **мифах-страшилках**. Так, например, миф об угрозе коммунизма не сходит с политической арены. Он используется как средство запугивания обывателя, как средство борьбы с оппозицией, со всеми теми, кто ратует за принцип социальной справедливости. Особенно большую роль этот миф сыграл во время президентской избирательной кампании 1996 г., когда людей пугали ГУЛАГом, репрессиями конца 1930-х годов, пресловутой 6 статьей Конституции СССР. Полностью игнорировался факт, что все это далекое прошлое, от чего отказались в стране давно. И самое парадоксальное состояло в том, что инициаторам данных страшилок выступали не просто бывшие члены КПСС, а те из них, которые формулировали эту политику (секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев, заместитель начальника Главного политического управления Вооруженных Сил Д.А. Волкогонов). Более оголтелых ненавистников не просто советского, а социалистического вообще в любой его трансформации, чем они и подобные им, трудно найти.

Получили огромное распространение мифы, побуждающие **националистические** страсти (мифы о прошлом народа, об истории человечества). Пышным цветом расцвели **мифы** о превосходстве одной нации над другой, одного народа над другим, о территориальных претензиях и т.д. Г.В. Осипов останавливается на "мифе о приоритете интересов нации, народов или автономий над интересами и правами личности, что ведет к полному отбрасыванию элементарных норм морали и гуманизма" ("Социальное мифотворчество и социальная практика". с. 6). В этом, кстати, проявляется внутренний глубокий контакт с трактовкой автором сущности социологии, внимание которой и развитие которой связано с определяющей ролью человека как субъекта исторического процесса. (Подробнее см. гл. 3 данной книги).

К этой группе примыкают **мифы**, созданные **по принципу "свой-чужой"**. В монографиях дан убедительнейший аргумент - соотношение предельно критических и реальных показателей развития российского общества (с. 449—452), в которых показана посредством строгих статистических данных та катастрофа, к которой привели страну наши реформаторы (стремясь хвалить все чужое и поносить все отечественное по принципу: там, у них, все прекрасно, а у нас - все плохо). Такая оголтелость и непримиримость были перенесены и в плоскость мировоззрения - все, кто не разделял так называемые радикальные рыночные ценности, шельмовались, оплевывались, подвергались остракизму. По-своему, это был тот же большевизм, но только с отрицательным знаком, суть которого заключалась в принципе: "Все, что не совпадает с моим мнением, неправильно и должно быть осуждено".

Особняком стоит разбор мифов, которые уже канули в лету, но которые в той или иной степени сохраняют свое прогностическое влияние. Речь идет о таких, которые были сотворены в Советском Союзе и связаны с мифами о "развитом социализме", "коммунистической идеологии", дружбе народов и т.д. Примечательно, что подобный анализ построен не на умозрительных заключениях и не на сиюминутной ситуации. В работе рассматривается наследие К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина, особенности их понимания коренных проблем социализма. Давая нелицеприятные, а порой и жесткие оценки просчетам и ошибкам советских деятелей, Г.В. Осипов остается верен идеям социализма, социальной справедливости. Его позиция тем более привлекательна, если учесть, что многие отечественные обществоведы, в том числе и социологи, "расплевались" с марксизмом, не могут терпеть слово "социализм", а слово "коммунизм" особенно. Для них все советское прошлое - это "провал" в истории страны, "черная метка", "тоталитаризм" и всякие другие термины, которые близки к понятию зоологической ненависти. Правда, сейчас некоторые из них начали стыдиться своих подобных заявлений и писаний и пытаются оправдываться и даже находить плюсы в проклятом

для них "социализме". В этом смысле Г.В. Осипов верен идее и, если критикует просчеты в ее реализации, то не потому, что он ее отвергал, - он хотел бы видеть ее воплощение в подлинно гуманистическом смысле. Именно поэтому он употребляет такое интересное определение как естественно-историческая модель социализма, противопоставляя ее авторитарно-бюрократической ("Социология и социальное мифотворчество", с. 430). В данной связи интересен анализ идей социализма известнейших представителей российской науки - академиков Н. Моисеева и Н. Амосова, которые были глубоко убеждены в плодотворности этих концепций и немало потратили сил на то, чтобы высказать свои предложения по его совершенствованию (там же. с. 443-445).

Автор справедливо усматривает в мифотворчестве сознательную деятельность деструктивных сил, которые, по его мнению, к концу 1990-х годов привели: к криминализации экономической жизни, к "черной" приватизации, к беспрецедентному разрушению промышленного и аграрного производства, к резкому социальному расслоению населения на сверхбогатых и сверхбедных, к ослаблению государственной власти, к утрате прежних позиций великой державы (с. 432-433). Но он не ограничивается рассмотрением мифов. В его анализе современной ситуации, которая воплощена в статьях, записках, официальных докладах, формулируются конкретные предложения, которые касаются многих сторон общественной жизни. За этими предложениями, на мой взгляд, стоит государственный, научный и общественный деятель, которому небезразлична судьба Отечества. Причем, эти предложения варьируются, уточняются, углубляются, учитывая изменяющуюся ситуацию и те акции, которые осуществляет официальная власть. Но несмотря на то, что ситуация серьезно изменяется, Г.В. Осипов придерживается тех заключений, которые он сделал и десять, и двадцать лет тому назад. А некоторые свои идеи, по моему мнению, он обосновывал еще в 1960-е годы, когда стоял у истоков возрождения отечественной социологии (о чем в рецензируемых книгах сказано немало).

В монографии "Социология и социальное мифотворчество" (2002) большое внимание уделяется природе, причинам возникновения мифов. Выводы о них соотносятся с тем, что появилось в трудах предшественников, подготовлено развитием самой науки. Автор глубоко убежден в том, что преодолеть мифотворчество можно и нужно только с помощью науки, в том и числе и социологии. Этому в данной книге отводится особое место. Г.В. Осипов снова возвращается к теоретико-методологическим проблемам социологии - становлению социологии как науки, философским, общетеоретическим и метатеоретическим основаниям научного статуса социологии, структуре социологического знания. Он последовательно и настойчиво проводит мысль о различии двух концепций - естественно-исторического и социально-исторического развития. Именно последняя и является собственно социологической, что позволяет выстроить последовательную и логически завершенную структуру социологического знания. Особое место он уделяет обстоятельному анализу состояния дел в социологической науке в России, формулирует трактовки основных принципиальных вопросов теории и методологии, показывает созидательную творческую роль нашей науки в решении актуальных и злободневных проблем российского общества.

Автор подчеркивает, что каждой эпохе свойственен свой подход к интерпретации мифов. Но в основании этих толкований всегда находятся определенным образом организованные представления человека о мире, ценностях и нормах поведения. Иначе говоря, речь идет о порождении неограниченного количества интерпретаций мифов в соответствии с правилами экспликации их из ограниченного числа базовых мифологических схем, а также о переосмыслении уже существующих мифологических сюжетов в соответствующих современным реалиям формах. Г.В. Осипов убедительно показал это на примере анализа картины сдвигов, происходящих на грани веков в мифологическом пласте общественного сознания в постсоветских государствах, главным образом в России. Он демонстрирует, как вслед за крахом советской идеологии произошло разрушение сопутствующей мифологии, хотя последняя по своей архитипичной природе более живуча, чем теоретические догмы. Так, например, стал анахрониз-

мом миф о "светлом коммунистическом будущем", свергнут с пьедестала "его величество рабочий класс".

В то же время ряд мифов свидетельствуют о своей живучести, перелицовываясь в соответствии с изменившимися социально-экономическими, политическими и культурными реалиями. Так, обладают определенной притягательностью для значительной части населения, хотя и в меньшей степени, чем во времена СССР, "ура-патриотические" мифы. Дал серьезные трещины, но по-прежнему дееспособен миф о сакральности государственной власти, миф "вождизма", группа мифов "единообразия", основанных на простых сентенциях типа "все могут все" и "чем я хуже других".

Практически не подверглись коррекции такие мифы (впрочем, как и реалии), как миф о бюрократическом всесии чиновничества, следствием которого является страх перед всеми, даже мелкими государственными служащими: слепая вера в силу бумаг и постановлений; миф о "неполноценности народа", в соответствии с которым (такова уж наша доля) историческая ущербность, обреченность пребывать на задворках цивилизации: борьба с созданными собственными руками трудностями ("хотели, как лучше, а получилось, как всегда"): миф о "всеобщей гармонии", происходящей от вульгарного представления об идеале общественного согласия.

Автора особенно тревожит становление новейшей мифологии. К новым мифам можно отнести: рынок как неперемное условие благосостояния; продажа земли в частные руки (это, мол, решит продовольственную проблему); что социальная справедливость обеспечена выдачей населению ваучеров: что пропаганда религиозных культов в образовательных учреждениях и армии консолидирует нацию вокруг "общечеловеческих ценностей" и т.д.

Однако их закрепление в общественном сознании замедляет, как это ни парадоксально, быстротечность перемен в социальной среде, что не дает выкристаллизоваться в виде теоретических концепций отзвукам происходящих трансформаций. К тому же сказывается отсутствие общепризнанных, консолидирующих общество целей. Сейчас выдвигаются в качестве конструктивных и перспективных ряд национальных, государственных идей, вокруг которых возможно вызревание общенациональной идеи. Однако ни один из предложенных официальных мифов не в состоянии в ближайшее время принять на себя в полном объеме функцию ядра новой общественной идеологии.

Все это позволяет утверждать, что общественное сознание современного постсоветского общества активно ремифологизируется. Основой данного процесса выступает реально функционирующее сознание, которое никогда полностью не может быть избавлено от мифологических по происхождению образований и в состоянии предоставить им питательную почву. Если в свое время мифология уступала ведущую роль ряду специализированных форм общественного сознания, то на рубеже третьего тысячелетия происходит ее ренессанс - но уже не как системы мирообъяснения, а как мозаичного метода мышления, который скорее связан с разрушительной, чем созидательной функцией. В этой связи большой интерес представляют выводы автора, особенно ярко воплощенные в докладных записках в директивные органы как СССР, так и России, в официальных докладах, которые замыкаются на такую важную составляющую современного общества: а что делать? Г.В. Осипов, опираясь на данные многочисленных исследований, предлагает комплекс мер социально-экономического, политического и культурного порядка по нормализации и упорядочиванию государственной и общественной жизни страны. И на каждом этапе развития нашего общества эти предложения совершенствуются, уточняются, обогащаются. И именно такой подход позволяет нам разделить оптимизм автора, когда он говорит, что "верит в будущее России и ее народов" {"Социальное мифотворчество и социальная практика", с. 14). Он не просто верит, а предлагает конкретные меры по достижению этого будущего. Поэтому с полным основанием можно говорить, что вклад академика Г.В. Осипова в развитие государственного строительства в полной мере соответствует той награде, которая названа именем человека, стремившегося к благу России посредством совершенствования управления ею.